

Нарушение принципа социальной справедливости по отношению к сотрудникам органов внутренних дел на Южном Урале в годы новой экономической политики

С. Ю. Салмина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. salmina_1969@mail.ru

Анализируя социальное неравенство, сложившееся в советский период отечественной истории, автор обращает внимание на вопросах, связанных с экономическим положением милиции Южно-Уральского региона, в частности, с материальным обеспечением сотрудников органов внутренних дел в годы нэпа. Постановка проблемы представляет исследовательский интерес в контексте современного прочтения становления правоохранительной системы на Южном Урале в условиях новой экономической политики. Как известно, переход к новой экономической политике был направлен на преодоление экономического кризиса, прекращение антисоветских выступлений и удержание советской власти.

Ключевые слова: *органы внутренних дел, органы юстиции, судебно-следственный аппарат, материальное обеспечение, Южно-Уральский регион, финансовые средства, новая экономическая политика.*

Архивные материалы, включая ведомственные архивы Главного управления МВД России по Челябинской области и прокуратуры Челябинской области, позволяют составить представление о том, каким образом мероприятия новой экономической политики отразились на экономическом положении региональной милиции, а также отследить специфику реализации данных мероприятий применительно к советской правоохранительной системе в целом. Сопоставляя уровень экономического обеспечения начальствующего и рядового состава сотрудников органов внутренних дел, органов юстиции и прокуратуры с другими категориями занятого населения, автор приходит к выводу о том, что принцип социальной справедливости был нарушен по отношению ко всем без исключения работникам правоохранительной системы не только на Южном Урале, но и в масштабах всей страны.

Проблема социального неравенства, существовавшего в советский период вопреки официальной советской историографии, уходит своими корнями в первые годы советской власти. Уже в период 1918–1919 гг. достаточно интенсивными темпами начал формироваться разветвленный партийно-бюрократический аппарат, который функционировал по известным законам развития закрытых систем, многократно воспроизводя и преумножая сам себя. Провозглашая лозунги всеобщего процветания, советские и партийные функционеры в действительности весьма мало

заботились об истинном благосостоянии населения.

Хотя их собственный уровень жизни даже в самые тяжелые годы послевоенного экономического кризиса, голода 1921–1922 гг. и прочих неблагоприятных социально-экономических факторов существенно отличался в лучшую сторону от уровня жизни основной массы населения. Показатели уровня материальной обеспеченности, в частности, размера заработной платы сотрудников партийно-советского аппарата, разнились по регионам, но не влияли на эту общую тенденцию, которая превалировала на всей территории страны. Формирование советского бюрократического аппарата неоднократно становилось предметом исследования столь известных ученых — исследователей советского периода, как Е. Г. Гимпельсон, Т. П. Коржихина¹, поэтому не следует акцентировать наше внимание специально на данной проблематике.

Основным предметом исследования настоящей статьи является уровень материального благосостояния сотрудников органов внутренних дел. Годы новой экономической политики традиционно считаются благоприятными с точки зрения материального обеспечения населения.

¹ См.: Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. — М.: Наука, 1995. — 232 с.; Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждение: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. — М.: РГГУ, 1994. — 418 с.

Действительно, за счет частичного внедрения рыночных механизмов в экономику удалось преодолеть голод, тем самым избежать массовой гибели населения, восстановить разрушенное гражданское хозяйство, реально обеспечив людей работой. Однако эти успехи в полной мере проявились не сразу, а спустя несколько лет после введения новой экономической политики.

Что касается Челябинской губернии, в период 1921–1922 гг. она переживала экономический упадок, который постиг ее в связи с разразившимся голодом, что, естественно, не могло не отразиться на материальном положении милиции. Необходимо отметить, что голод конца 1921 — начала 1922 г. существенно подорвал сельское хозяйство и промышленность губернии, которая к этому времени включала в себя пять уездов: Челябинский, Верхнеуральский, Троицкий, Курганский и Златоустовский. По данным переписи 1920 г., общее количество населения Челябинской губернии в это время составляло 1 562 138 человек¹. По отчетам Челябинского губернского комитета коммунистической партии, изученных нами в Объединенном Государственном архиве Челябинской области, в период голода умерло от истощения 35 630 человек; в 1922 г. сельское население губернии по сравнению с 1920 г. сократилось на 17 %¹. Городское население губернии, в целом меньше пострадавшее от голода, чем крестьянское, также резко сократилось по сравнению с 1920 г. Так, население Челябинска уменьшилось с 53 766 человек до 45 711 человек; Троицка — с 36 420 до 21 488 человек¹.

На фоне столь неблагоприятной экономической ситуации речь шла об удовлетворении витальных потребностей основной массы населения, и сотрудники южноуральской милиции отнюдь не являлись исключением. Тем более, учитывая разгул общеуголовной преступности тех лет (массовые убийства, грабежи, кражи и тому подобные общеуголовные преступления), деятельность сотрудников милиции была напрямую сопряжена с риском для жизни.

В конце 1922 г. наметилась тенденция некоторого подъема экономики губернии, но материальное положение сотрудников милиции оставалось весьма сложным. Основная проблема заключалась в том, что курс на удешевление государственного аппарата, объявленный при переходе к новой экономической политике, предусматривал не только максимальное сокращение кадров милиции (что было недопустимо в ситуации активизации кри-

минальных элементов), но и повсеместный перевод содержания милиции на средства местного бюджета, предусмотренный резолюцией XI съезда партии «О финансовой политике»². Данная мера крайне негативно отразилась на материальном положении органов внутренних дел Южно-Уральского региона в целом и на уровне материального обеспечения сотрудников в частности.

Дело в том, что местный бюджет, испытывавший острый дефицит, был не в состоянии удовлетворить даже самые насущные потребности правоохранительных органов — милиции и судебно-следственного аппарата. В столь жестких условиях региональные власти были вынуждены форсировать сокращение личного состава, что привело к неоднозначным последствиям. С одной стороны, реализация данной меры позволила удержать определенную часть наиболее квалифицированных работников и увеличить им оклады, с другой стороны — вызвала существенные затруднения, если не сказать парализацию, профессиональной деятельности милиции и привела к общей дестабилизации обстановки в губернии.

В конце декабря 1922 г. начальник управления Челябинской губернской милиции Н. В. Баранов, выступая с докладом на третьем съезде работников юстиции губернии, констатировал, что милиция продолжает сталкиваться с катастрофическим недостатком денежных средств, обмундирования, продовольствия, спецтехники, транспорта и так далее. Так, по свидетельству начальника губернского уголовного розыска А. Я. Ринкиса, вверенная ему служба систематически испытывала острый дефицит техники, предназначенной для фотографирования, дактилоскопии, «грима и костюмирования, которые являются главными в нашей работе»³. Поэтому следственные действия приходилось проводить исключительно кустарными способами. Отсутствие транспорта также не позволяло реализовывать оперативные и следственные мероприятия. Так, преследование преступных элементов вовсе не представлялось возможным, а выезд на место происшествия приходилось осуществлять с существенным запозданием, которое зачастую составляло одну-две недели, когда установить следы и обстоятельства совершения преступления было уже нельзя.

Если говорить непосредственно об уровне заработной платы сотрудников милиции, то он оставлял желать лучшего. Так, весной 1923 г. начальник Златоустовской городской уездной ми-

¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 515. Л. 94.

² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 15. Л. 32.

³ Там же. Д. 515. Л. 17.

лиции Г. Н. Холодилин писал в губернский комитет партии о том, что рядовой делопроизводитель «Южуралтреста» имеет заработную плату 1 200–1 500 руб. в месяц, в то время как помощник начальника уездной милиции — 376 руб. в месяц, а рядовой милиционер — всего 178 руб. в месяц¹. Сотрудники исполнительных комитетов, подотделами которых являлась милиция, также имели оклады, в три-четыре раза превышающие оклады рядовых сотрудников органов внутренних дел.

Аналогичная разница наблюдалась в оплате не только по оперативно-следственному составу, но и по параллельным гражданским должностям в милиции и производственно-хозяйственных организациях. Так, заработная плата конюха коммунального отдела составляла 720 руб. в месяц, а конюха милиции — 155 руб. в месяц¹. Высказывание уже упомянутого Г. Н. Холодилина как нельзя лучше характеризует отношение самого личного состава милиции того времени к сложившейся ситуации: «Насколько сознательен не был бы человек, он никак не может отделаться от горького чувства обиды, когда видит, что по другим учреждениям, при меньшей работе, меньшей ответственности люди получают ставки гораздо выше»¹.

Кроме того, существовала значительная разница между ставками заработной платы для одних и тех же категорий сотрудников милиции различных уездов Челябинской губернии, а также между уездами и губернским Челябинском. Так, средняя заработная плата рядового милиции города Челябинска составляла в 1923 г. 275 руб. в месяц в то время как средняя заработная плата рядового милиции города Златоуста, о которой упоминалось ранее, — лишь 178 руб. в месяц¹.

В тот период получила широкое распространение практика задержек заработной платы, о чем свидетельствуют служебные документы описываемого периода. В них постоянно встречаются сведения о нерегулярной выдаче заработной платы работникам органов внутренних дел того или иного уезда губернии. Одним из самых неблагоприятных в этом отношении являлся Курганский уезд. Как видно из протокола губернского совещания по борьбе с преступностью от 13 сентября 1922 г., максимальная продолжительность задержек заработной платы в городе Челябинске составляла полгода². Кроме того, на всей территории губернии крайне неблагоприятно обстояли дела с обеспечением сотрудников милиции про-

довольственным пайком и обмундированием, что составляло значительную долю их содержания.

Нормы выдачи пайка и вещевого довольствия устанавливались местными исполнительными комитетами из дотационного фонда. Отсутствие продовольственного пайка должно было компенсироваться денежными средствами. Тем не менее систематические перебои с выдачей пайка, обмундирования и денежной компенсации были обыденным явлением в жизни сотрудников милиции. Начальник губернского управления милиции Н. В. Баранов связывал это с переходом органов внутренних дел на скудные средства местного бюджета и был в этом отношении абсолютно прав.

Как было отмечено ранее, выход из затруднительного экономического положения руководство милиции губернии видело в сокращении кадров, которое пришлось на зиму 1922 — весну 1923 г. Соблюдая историческую справедливость, следует сказать, что без реализации столь жесткой меры миссия органов внутренних дел становилась не просто затруднительной, но в принципе невыполнимой. После сокращения в отношении оставшихся в милиции сотрудников, среди которых было немало настоящих профессионалов, посвятивших свою жизнь борьбе с преступностью, был предпринят ряд мер материального стимулирования. Произошло увеличение денежных окладов, стали регулярно выплачиваться натуральные и денежные премии за раскрытие резонансных преступлений, сложилась практика премирования оперативных сотрудников в связи с государственными праздниками и знаменательными датами, также сотрудники органов внутренних дел, проживающие в городах, были освобождены от оплаты коммунальных услуг и частично транспортных расходов.

Однако в описываемый период времени принцип социальной справедливости был нарушен по отношению ко всем, без исключения, сотрудникам милиции рядового, среднего и начальствующего состава не только на Южном Урале, но и страны в целом. Это выражалось в неадекватной оценке их труда по сравнению с другими категориями занятого населения. Вместе с тем именно в первые годы реализации новой экономической политики были заложены основы материального стимулирования наиболее квалифицированных сотрудников органов внутренних дел, формирования той системы социальных гарантий, которую сейчас называют социальным пакетом. Выходя за пределы хронологических рамок

¹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 732. Л. 42.

² Там же. Д. 7515. Л. 10.

исследования, следует отметить, что в дальнейшем эти меры позволили в сравнительно короткие сроки повысить основные показатели и эффективность деятельности милиции в целом.

Список литературы

1. Гимпельсон, Е. Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. / Е. Г. Гимпельсон. — М. : Наука, 1995. — 232 с.
2. Коржихина, Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. / Т. П. Коржихина. — М. : РГГУ, 1995. — 419 с.

Сведения об авторе

Салмина Светлана Юрьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. salmina_1969@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 2. P. 13–16.

Violation of the Principle of Social Justice in Relation to Employees of Internal Affairs Bodies in the Southern Urals during the Years of the New Economic Policy

S.Y. Salmina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. salmina_1969@mail.ru

Analyzing the social inequality that developed in the Soviet period of national history, the author focuses on issues related to the economic situation of the police of the South Ural region, in particular, with the material support of employees of the internal affairs bodies during the years of the new economic policy. The problem statement is of research interest in the context of the modern reading of the formation of the law enforcement system in the Southern Urals in the conditions of the new economic policy. As you know, the transition to a new economic policy was aimed at overcoming the economic crisis, stopping anti-Soviet protests and retaining Soviet power. Archival materials, including departmental archives of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Chelyabinsk Region and the Prosecutor's Office of the Chelyabinsk Region, allow us to get an idea of how the measures of the new economic policy affected the economic situation of the regional police, as well as to track the specifics of the implementation of these measures in relation to the Soviet law enforcement system as a whole. Comparing the level of economic support of the commanding and ordinary staff of the internal affairs bodies, justice bodies and prosecutor's offices with other categories of the employed population, the author comes to the conclusion that the principle of social justice was violated in relation to all employees of the law enforcement system, without exception, not only in the Southern Urals, but also throughout the country.

Keywords: internal affairs bodies, judicial authorities, material support, South Ural region, financial resources, new economic policy.

References

1. Gimpelson E.G. *Formirovanie sovetskoj politicheskoy sistemy` 1917–1923 gg.* [Gimpelson E. G. The formation of the Soviet political system: 1917–1923]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 232 p. (in Russ.).
2. Korzhikhina T.P. *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr` 1917 g. — dekabr` 1991 g.* [Korzhikhina T. P. The Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991]. Moscow, 1995. 419 pp. (in Russ.).